

Мир 34 недели.
- 1999 - 20 - 27 ноября
с. 8.

Марина Деникина: генеральская дочь, французская графиня

Юрий КОВАЛЕНКО

Новые Известия.

Подписной индекс 42898

Писательница и историк Марина Антоновна Деникина-Грей в очередной раз вручила мне для передачи Государственному архиву России интереснейшие документы и фотографии, хранившие у нее долгие годы. За последнее время Марина Антоновна передала в Госархив все хранившиеся у нее документы — деникинские рукописи, включая его труд «Очерки русской смуты», письма Антона Ивановича к жене и дочери, его записные книжки, переписку с друзьями, личные документы и фотографии. Возвращение этих уникальных материалов знаменательно еще в одном отношении. Ныне представляющие ценность манускрипты нелегально вывозятся из России за границу, где сбываются различным фондам. Сама Марина Антоновна только что закончила свои воспоминания, которые начинаются с момента ухода немцев из Франции в 1945 году и кончаются в 1961 году, когда закончила свою журналистскую деятельность и перешла на писательскую стезю. С тех пор из-под пера вышли около 20 книг, посвященных главным образом российской истории, Белому движению и эмиграции. Среди них «Мой отец — генерал Деникин», «Расследование об убийстве Романовых», «Распутин», «Павел I и другие.

— Покинув Россию в 1920 году, вы вместе с родителями долго кочевали по всей Европе — Бельгия, Австрия, Венгрия, снова Бельгия, пока, наконец, в 1926 году не осели во Франции... Вам хотелось походить на ваших французских подружек... Но вас звали полукровкой и даже, кажется, выгнали из лица...

— Я была православная, а директриса того лицея — ярая католичка, которая заставляла каждое воскресенье ходить учеников в храм. Она очень меня не любила: в классе я, в том числе по французскому, всегда была первая, а ее дочь — 4 или 5... Я ушла сама из лицея до того, как меня выгнали.

— До войны существовал настоящий русский Париж, о котором до сих пор живо множество самых невероятных легенд...

— Мы жили абсолютно в русской среде... Потом началась война,

Фото из газеты «Новые Известия»

и я все больше и больше становилась французской. Но лет в 40, когда писала книгу о Белой армии, я стала ощущать себя русской. Теперь же считаю себя скорее русской, чем французской.

— Что же это для вас значит?

— Я совершенно не понимаю французов, как они, в свою очередь, не понимают русских.

— Как относились в те годы французы к русским эмигрантам?

— Неплохо, и по отношению к нам были очень милы. Не считая того времени, когда русский эмигрант Горгулов — думаю, что он был подослан Советами, — убил французского президента Поля Думера. Но вскоре французы об этом забыли, память у них короткая.

— Эмиграция имела в своей среде и аристократов, и военных, и пролетариев...

— Я мало что знала об аристократах, так как находилась в среде военных и писателей. Но и среди военных были трения: папа, например, не хотел ничего слышать о «Российском общевоинском союзе» — РОВСе.

— Трагической фигурой в эмиграции был Бальмонт, который прожил во Франции 22 года...

— Мы с родителями видели его только в Кап-Бретоне на Атлантике, где он обычно проводил лето. Помню, что он не особенно любил детей. Мы же его боялись, потому что Бальмонт очень много пил и ужасно громко декламировал свои стихи...

— Вы долгие годы работали

журналисткой на радио и на телевидении. Гостями ваших передач были Эдит Пиаф, Жерар Филип, Франсуаза Саган. С Марком Шагалом вас связывали дружеские отношения...

— Шагала хорошо знал мой первый муж, и однажды мы провели неделю у него в гостях на юге Франции, где он жил с молодой хорошенькой ирландкой, которая ждала развода, чтобы выйти за него замуж. У них был сын, которому было года три. Потом она вдруг сбежала от Шагала с неизвестным художником — то ли шведом, то ли норвежцем — и захватила с собой сына. Для Шагала это была большая драма, и он даже думал о самоубийстве. Его дочь Ида все время повторяла: «Надо что-то сделать, иначе он покончит с собой. Надо ему кого-то подыскать». В конце концов мы нашли Валентину Бродскую, которая тогда жила в Англии, и уговорили ее стать на некоторое время компаньонкой художника. Они встретились в Париже и полюбили друг друга.

— Как вы познакомились с Пикассо?

— Впервые меня привез к нему общий знакомый — швейцарский издатель, приютивший во время войны у себя дома в Женеве сына Пикассо от его первой жены — Ольги Хохловой. Тогда художник готовил выставку «по мотивам» Веласкеса, водил меня от картины к картине и внимательно следил за моей реакцией. Меня это удивило — он будто боялся, что мне не понравится. Потом мы заговорили о Шагале, и Пикассо неожиданно спросил: «Ну скажите мне правду! Он действительно женился на своей кухарке?». Между художниками часто существует ревность и даже ненависть...

— Что вас больше всего поразило в Дали? Можно ли считать его сумасшедшим?

— Каждый раз, когда Дали приезжал в Париж, мы делали с ним передачи — вначале для радио, а потом для телевидения. Однажды, когда в его честь давали обед в ресторане на Эйфелевой башне, он согласился дать мне интервью, но только на ресторанной кухне. Люди обычно считали его сумасшедшим, но это был его номер «для публики».

— Почему вы оставили тележурналистику?

— По политическим причинам. После ухода генерала де Голля на президентских выборах боролись бывший премьер-министр Жорж

Помпиду и председатель сената Ален Поэр. Так как у меня были общие знакомые с Поэром, я брала у него интервью, сопровождала его в предвыборной кампании. Когда же победил Помпиду, то он заявил, что больше не хочет видеть Марину Грей на телевидении.

— Значит, вас выгнал с работы сам президент Франции?

— Так оно более или менее было. В то время знакомый издатель, первый муж Франсуазы Саган, заказал мне книгу о Белой армии. Потом я написала книги о Ледяном походе, о похищении Кутепова и Миллера. Поскольку русские передали мне много личных документов, я сочинила три романа об эмиграции, а потом вернулась к истории.

— Не повлияло ли на ваш выбор то, что ваш муж, граф Жан-Франсуа Кьяпп, известный историк?

— Разумеется, повлияло. Он, правда, был недоволен, когда я писала свои романы о семье, которая жила в России, потом оказалась в Константинополе и в конце концов попала во Францию...

— Ваш отец был человеком верующим?

— Я с ним каждое воскресенье ходила в Сергиевское подворье в Париже. Он был православным до глубины души — я больше не встречала людей такой сильной и искренней веры. Об этом отец говорит в своей последней книге «Путь русского офицера», где православие называет самой лучшей религией.

— Некоторые политики считают, что России нужна какая-то спасительная национальная идея...

— В России 7 ноября превратили в праздник примирения и согласия. Но кого и с кем? Конечно, белые и красные могут примириться, но это невозможно между богатыми и нищими. О каком примирении тогда идти речь? На какой почве?

— Сегодня Чечня — наша главная головная боль. Антон Иванович Деникин всегда выступал за Россию «единую и неделимую»...

— В связи с Чечней по французскому телевидению показывают только то, что может вызывать у французов симпатию к чеченцам. Говорят же исключительно о русских «зверствах». Зачем, спрашивается, русским истреблять чеченский народ? Я думаю, что мой отец не позволил бы Чечне отделиться. Не знаю, что он сказал бы сейчас, но он считал Россией и Украину, и Белоруссию, и, конечно, Кавказ.